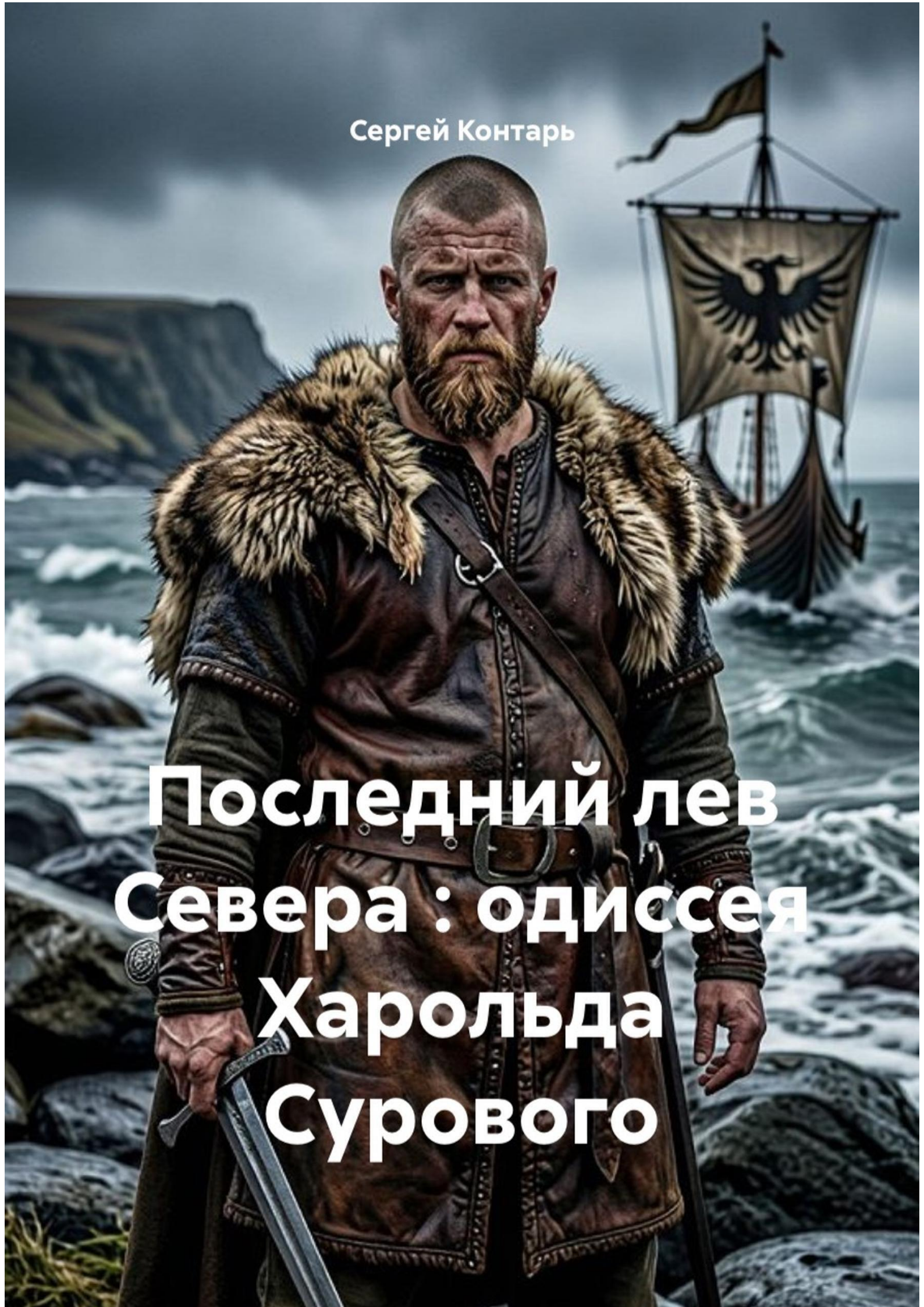

Сергей Контарь

**Последний лев
Севера : одиссея
Харольда
Сурового**

Сергей Контарь

**Последний лев Севера :
одиссея Харольда Сурового**

«Автор»

2026

Контарь С.

Последний лев Севера : одиссея Харольда Сурового /
С. Контарь — «Автор», 2026

История викинга , битвы, морские походы , приключения , интриги, заговоры

© Контарь С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Контарь

Последний лев Севера : одиссея Харольда Сурового

Последний лев Севера: Одиссея Харольда Сурового

Предисловие

История знает немало завоевателей, но мало чья жизнь напоминала приключенческий роман так, как жизнь **Харальда III Сигурдссона**, вошедшего в анналы под прозвищем **Суровый (Hardrada)**. Его называют «последним викингом». Его гибель в 1066 году на затуманенных полях Англии стала не просто смертью одного короля — она подвела кровавую черту под тремя столетиями эпохи скандинавских набегов, навсегда изменив облик средневековой Европы.

Эта книга — художественная реконструкция жизни человека, который верил только в холодную сталь, воинскую хитрость и свою судьбу. Пятнадцатилетним подростком он потерял всё в кровавой грязи битвы при Стиклестаде, где погиб его великий брат Олаф Святой. Раненый, преследуемый датскими наемниками, Харальд бежал. Его путь лежал через бескрайние шведские леса в Гардарики — на Русь, к мудрому князю Ярославу.

Именно на Руси выковался характер будущего тирана. Здесь он познал первую славу в бескрайних степях и встретил Елизавету Ярославну — женщину, ради которой он решил вернуть мир. Отвергнутый князем из-за своей нищеты, Харальд ушел дальше на юг, в ослепительный и коварный Миклагард — Константинополь. Став командиром элитной Варяжской стражи, он залил кровью Сицилию, брал штурмом арабские крепости, скопил горы золота и ослепил византийского императора.

Он вернулся на Север триумфатором. Его византийское золото купило ему трон, а его железная рука превратила вольную Норвегию в покорное государство. Он сокрушил оппозицию ярлов, пятнадцать лет терзал Данию и, ведомый тщеславием и зловещими рунами древних договоров, отправился в свой последний, роковой поход за английской короной.

Перед вами хроника жизни Харальда Сурового. Повествование, основанное на реальных скандинавских сагах, византийских хрониках и древнерусских летописях. Это история о гордости, любви, предательстве и великом финале эпохи, когда мир навсегда разделился на «до» и «после» Стамфорд-Бридж.

Оглавление

АКТ I. КРАХ И ИЗГНАНИЕ (1030–1031)

Глава 1. Белое солнце Стиклестада (*Диалог братьев перед боем, предчувствие катастрофы*)

Глава 2. Железная стена (*Тактическое описание пешего боя викингов, крах скальдборга и гибель Олафа*)

Глава 3. Спасение в тумане (*Тайное лечение на глухой ферме, шрамы и переход через шведские леса*)

АКТ II. ГАРДАРИКИ: ВОИН И ПИСАТЕЛЬ (1031–1034)

Глава 4. Железный омут у берегов Руси (*Первый поход Харальда против печенегов, тактика круговой обороны пехоты против степной конницы*)

Глава 5. Кровь на польских стенах (*Поход на Червенские города, осада Волыни и ночной штурм крепости*)

Глава 6. Цена княжеской дочери (*Разговор с Ярославом Мудрым, отказ в браке, уход на юг и первые «Висы радости» на Днепре*)

АКТ III. МИКЛАГАРД: ЗОЛОТО И ЯД ВИЗАНТИИ (1035–1043)

Глава 7. Великая цепь Золотого Рога (*Прибытие в Константинополь, встреча с высокомерными чиновниками-евнухами*)

Глава 8. Вавилон на Босфоре (*Улицы Царьграда, безумие скачек на Ипподроме и портовые таверны*)

Глава 9. Дым над Мраморным морем (*Утренняя погрузка на дромоны, отплытие к берегам Анатолии*)

Глава 10. Столкновение титанов (*Прибытие на базу в Азии, конфликт Харальда с грозным генералом Георгием Маниаком*)

Глава 11. Огонь над Ионическим морем (*Морской бой с арабскими пиратами, греческий огонь, карта сокровищ в поясе убитого эмира, казнь пленных*)

Глава 12. Черное золото Сиракуз (*Тайная вылазка в сицилийские пещеры, резня на пиратской базе, первый клад Харальда*)

Глава 13. Железо под солнцем Сицилии (*Томительное ожидание в осадном лагере, знакомство с Вильгельмом Железной Рукой*)

Глава 14. День камней и пепла (*Начало бомбардировки Сиракуз, ночная вылазка арабов и кровавая рубка у катапульт*)

Глава 15. Канун искупления (*План финального итурма, споры лидеров перед броском на стены*)

Глава 16. Кровавый рассвет Сиракуз (*Штурм пролома, соревнование варягов и норманнов, взятие города*)

Глава 17. Ночные тени Сиракуз (*Тайный вывоз золота из цитадели эмира в прибрежную пещеру*)

Глава 18. Взрыв в пурпурном шатре (*Конфликт из-за дележа добычи, Вильгельм обнажает меч на Маниака, раскол союза*)

Глава 19. Крах Магистра (*Доносы, арест Маниака, Харальд забирает сокровища со дна пещеры и уплывает*)

Глава 20. Дворцовый ад и железные оковы (*Смерть императора Михаила, безумие Калафата, арест Харальда за сокрытие золота, встреча с Маниаком в Нумере*)

Глава 21. Огонь Царьграда и слепота базилевса (*Великий бунт 1042 года, освобождение из тюрьмы, Харальд ослепляет свергнутого императора*)

Глава 22. Великий прорыв через железные звенья (*Похищение Мариш, безумный прыжок драккаров через Цепь Золотого Рога, уход на Русь*)

АКТ IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ (1043–1065)

Глава 23. Горькая вода Ньервасунда (*Тяжелый штормовой переход через Черное море, груженные золотом корабли*)

Глава 24. Речные пороги и золото на холмах (*Волок на Днепре, появление куполов Киева на горизонте*)

Глава 25. Золото и шёлковая нить (*Харальд вываливает сокровища перед Ярославом, встреча с Елизаветой в яблонево́м саду, свадьба*)

Глава 26. Путь на Север и портрет племянника (*Отплытие в Скандинавию, история Норвегии без Харальда, встреча с Магнусом Добрым, раздел трона за византийское золото*)

Глава 27. Тень над троном (*Загадочная смерть Магнуса в 1047 году, Харальд становится единоличным конунгом*)

Глава 28. Железная узда для ярлов (*Внутренний террор, засада в Нидаросе и казнь старого Эйнара Брюхотряса, укрепление абсолютной власти*)

Глава 29. Кровь на воде: Битва при Ниса (*Пятнадцать лет войны с Данией, сожжение Хедебю, ночное морское сражение 1062 года, гибель Рагнвальда*)

Глава 30. Последний костёр Рагнвальда (*Похороны старого друга на прибрежных скалах, сожжение драккара*)

АКТ V. ФИНАЛ ЭПОХИ (1066)

Глава 31. Волк из-за моря и тень над тронном (*Прибытие изгнанного Тостига Годвинсона, предыстория семейной драмы в Англии, решение о большом походе*)

Глава 32. Чёрная саранча Севера (*Грандиозный строевой смотр флота из 300 драккаров, знамя Опустошителя земель*)

Глава 33. Прощание с Эллисив (*Разговор Харольда и Елизаветы на скале, дурные предзнаменования и золотая гривна*)

Глава 34. Земля туманов и стрел (*Подплывание к побережью Нортумбрии, высадка в Риккалле, паника англичан*)

Глава 35. Марш по болотам Фулфорда (*Продвижение к Йорку, тактическое развертывание войск, ловушка Харольда*)

Глава 36. Кровавая жатва Фулфорда (*Развязка битвы 20 сентября, фланговый удар варягов, уничтожение саксонской армии в болоте*)

Глава 37. Ключи от Севера (*Падение Йорка, роковое решение идти к Стамфорд-Бридж без доспехов и кольчуг*)

Глава 38. Живое железо на холмах (*Внезапное появление армии короля Гарольда Годвинсона, падение Харольда с коня, построение «живого замка»*)

Глава 39. Мост мертвецов (*Подвиг безымянного берсерка на мосту, сдерживающего англичан, удар копьем снизу*)

Глава 40. Семь футов английской земли (*Переговоры братьев, гордый отказ Тостига, легендарный ответ Гарольда норвежскому королю*)

Глава 41. Финальный аккорд «Опустошителя земель» (*Героическая оборона без кольчуг, яростная атака короля, роковая стрела в горло*)

Глава 42. Рать Эйстейна: Безумие Тетерева (*Прибытие изнуренного подкрепления с кораблей, финальная бойня, гибель Тостига и конец эпохи викингов*)

Эпилог. Слезы на фьорде (*Возвращение Олафа с достижениями отца, скорбь Елизаветы Ярославны на холодных скалах Норвегии*)

Глава 1. Белое солнце Стиклестада

Туман выползал из низин, облизывая сапоги воинов, выстроившихся на холме. Пахло сырой землей, конским потом и железной окалиной. Харальду было пятнадцать, но кольчуга, снятая с убитого шведа, уже сидела на нем плотно, хоть и натирала шею. Огромные ладони парня судорожно сжимали топорище. Кожа на рукояти потемнела от его пота.

Он смотрел вниз, туда, где у подножия холма собиралась лавина. Земледельцы, рыбаки, ярлы — тысячи людей, которых Харальд привык считать своими, теперь смыкали щиты против собственного короля. Над их головами ревел рог, и этот звук заставлял зубы Харальда мелко стучать. Не от страха. От ярости.

Олаф стоял чуть впереди, опершись на тяжелый меч. Его шлем был начищен до зеркального блеска, а на груди поверх брони поверх белого полотна был нашит красный крест. Король казался неестественно спокойным. Он смотрел не на врагов, а куда-то сквозь них, в серое норвежское небо.

Харальд сделал шаг вперед, нарушая строй. Наплечник звякнул.

— Брат, — негромко позвал он. Голос парня сорвался на юношеский фальцет, и он зло сплюнул. — Брат, они разворачивают крылья. Их вдвое больше. Датское серебро выгнало на поле даже последнего свинопаса.

Олаф не обернулся. Он лишь коснулся пальцами креста на груди.

— Дело не в серебре, Харальд. И не в датчанах. Господь ослепил их, чтобы явить свою славу. Это поле станет алтарем.

— Алтарем? — Харальд шагнул ближе, его широкие брови съехались к переносице. Внутри него кипела кровь конунгов, не понимавшая христианского смирения. — О каком алтаре ты говоришь, когда Торир Собака ведет на нас половину севера? Посмотри на их щиты! Там клейма Кнуда Великого. Если мы останемся на этом холме, они просто завалят нас мясом. Нужно ударить первыми, пока туман не сошел. Расколоть их центр, забрать голову Торира!

Король медленно повернул голову. Его глаза, уставшие и глубокие, впились в лицо младшего брата. В этих глазах не было страха перед смертью, и именно это пугало Харальда больше всего.

— Ты слишком молод, чтобы учить меня побеждать, мальчик, — тихо, но веско произнес Олаф. — И слишком слеп, чтобы видеть истинную битву. Я вернулся сюда не за короной из норвежского золота. Мой венец будет другим.

— Мне не нужен венец на том свете, Олаф! — Харальд перехватил топор одной рукой, указав острием на колышающееся море вражеских шлемов внизу. — Мне нужна Норвегия. Твоя Норвегия. Если ты погибнешь здесь ради своего Бога, что останется нам? Кто поведет людей?

Олаф смерил брата долгим взглядом. На мгновение на губах короля появилась тень горькой улыбки. Он протянул закованную в латную рукавицу руку и тяжело опустил её на плечо Харальда. Настолько тяжело, что парень едва удержался на ногах.

— Ты, Харальд. Если выживешь. Ты забереешь то, что я не успел достроить. Но сначала твоя гордыня должна сгореть в этом огне. Слушай меня внимательно: когда щиты сойдутся, не ищи меня. Ищи свой путь к спасению. Швеция, Русь — беги куда угодно, но останься жив. Твое время еще не пришло.

— Я не побегу, — упрямо выдохнул Харальд, дернув плечом, но Олаф не отпустил его.

— Побежишь, — отрезал король, и его голос стал холодным, как лед фьорда. — Потому что мертвый викинг не станет конунгом. А теперь встань в строй. Наш крик — *«Вперед, люди Христа, люди креста, люди короля!»*. Запомни его.

Олаф отвернулся, поднимая меч к небу. Солнце, словно подчиняясь его жесту, наконец пробило плотную завесу тумана, мертвенно-белым диском повиснув над Стиклестадом.

Внизу, среди тысяч вражеских голосов, раздался ответный, оглушительный рев, в котором потонули христианские молитвы:

— *Тор! Один! Смерть конунгу-отступнику!*

Стена щитов пришла в движение. Харальд отступил назад, вставая по правую руку от брата. Его сердце колотилось в груди, как пойманная птица, но страх исчез. Остался только холодный, звенящий голод. Первые стрелы с тихим свистом пронзили утренний воздух.

Часть 2. Железная стена

— Сомкнуть щиты! По два человека в глубину! Налегать плечом! — взревели десятники.

Войско Олафа, состоявшее из трех с половиной тысяч преданных дружинников и шведских наемников, задвигалось, выстраивая *скальдборг* — знаменитую стену щитов. Это не было

киношным красивым строем, где люди просто стоят рядом. Это была потная, давящая, дышащая перегаром и страхом живая стена. [1, 2, 3, 4, 5]

Харальд оказался во втором ряду. Его левое плечо упиралось в лопатку могучего шведа из первого ряда, а правая рука с топором была занесена над его головой. Передний ряд выставил круглые липовые щиты с тяжелыми железными умбонами по центру. Они перекрывали друг друга наполовину: каждый воин защищал левой стороной своего щита правый, открытый бок соседа. Воины второго ряда, вроде Харальда, наваливались на спины передних, создавая живой упор, чтобы лавина врагов не прорвала строй массой. [1, 2, 3, 4]

Внизу, у подножия холма, армия бондов (крестьян и мятежных ярлов) численностью более семи тысяч человек перестраивалась в *свинфюлькинг* — «кабанью рыло». Это был глубокий наступательный клин, в вершине которого стояли самые свирепые бойцы в тяжелых кольчугах и с бродэксами — длинными двухручными топорами. На острие этого клина Харальд разглядел огромную фигуру в меховой накидке поверх брони. Это был Торир Собака — самый опасный враг его брата. [1, 2, 3]

— Они идут! Держи стену! — пронеслось по рядам.

Лавина бондов двинулась вверх по склону. Сначала шагом, сберегая дыхание, затем ускоряясь. Скандинавский бой не знал изящного фехтования — это была чистая физика и свирепость.

Бум.

Удар двух стен щитов друг о друга прозвучал как раскат грома. Харальда рвануло вперед, он сильно ударился шлемом о затылок стоявшего впереди шведа, во рту разлился солоноватый вкус крови. Физическое давление стало невыносимым — сзади на Харальда давил третий ряд, спереди шведа вдавливали внутрь враги. Воздух выбило из легких. Отовсюду доносился скрежет железа по дереву, треск раскалывающихся липовых досок и истошные крики. [1, 2]

Сквозь узкие щели между щитами первого ряда Харальд увидел серый стёганный кафтан вражеского ополченца. Парень не думал. Он просто нанес короткий, рубящий удар сверху вниз, целясь поверх чужого щита — туда, где шея сходилась с плечом. Топор послушно врубился в плоть. Нападавший охнул и осел, но на его место тут же навалился следующий, давя своей массой на стену. [1, 2]

Король Олаф дрался в самом центре, его меч резал кольчуги врагов, как масло. Поначалу яростный натиск королевской дружины заставил бондов отступить. Олаф и его люди начали спускаться с холма, преследуя бегущих. Тактическая ошибка стала роковой: ровный *скальд-борг* разорвался. На равнине численное превосходство бондов сработало мгновенно — они начали окружать поредевшие отряды короля. [1, 2, 3, 4]

Харальд рубил, колол, хрипел от усталости. Рука с топором онемела. Вдруг солнце, висевшее над полем, начало странно потемнеть. Небо заволокло мертвенной серостью — началось полное солнечное затмение. Бойцы в панике замерли: боги словно отвернулись от Норвегии. В этом полумраке Харальд увидел, как к Олафу пробились трое вождей мятежников — Торир Собака, Кальв Арнассон и Торстейн Корабельный Мастер. [1, 2, 3]

— Олаф! Брат! — закричал Харальд, пытаясь пробиться сквозь мешанину тел, но перед ним выросли два датских наемника с копьями.

Все произошло за секунды. Торстейн Корабельный Мастер наотмашь ударил короля секирой по ноге выше колена. Олаф пошатнулся, выронил меч и оперся о валун. В тот же миг Кальв Арнассон нанес удар мечом в шею, а Торир Собака с диким ревом вогнал широкое копьё Олафу под кольчугу, прямо в живот. [1]

Король Норвегии упал мертвым. [1]

— Конунг убит! — раздался торжествующий вопль бондов.

В этот момент мир для пятнадцатилетнего Харальда рухнул. Христианские наемники дрогнули и побежали. Строй окончательно перестал существовать. Слепленный яростью,

Харальд бросился вперед, на убийц брата, наплевав на защиту. Он успел сделать лишь два шага, когда тяжелое вражеское копье скользнуло по его ребрам, разрывая кольчужные кольца и вонзаясь в бок. [1]

Боль была горячей, как расплавленный свинец. Парень упал на колени, роняя топор в окровавленную грязь Стиклестада. Над ним уже заносили мечи для последнего удара, когда чьи-то сильные руки ухватили его за шиворот кольчуги и поволокли назад, в сторону спасительного леса.

Часть 3. Гардарики. Княжий престол

Новгород встретил изгнанников оглушительным звоном колоколов, криками торговцев и запахом мокрого дерева, речной тины и дегтя. Для Харальда, привыкшего к каменистым фьордам и приземистым длинным домам Скандинавии, Хольмгард — как называли город викинги — казался бескрайним деревянным лабиринтом. За мощными бревенчатыми стенами высились терема с резными крышами, а на торгу смешивались десятки языков: от чуди и кривичей до заезжих купцов из далекого Булгара.

Харальд и Рагнвальд шли через Детинец (новгородскую крепость). На шестнадцатилетнем викинге была простая, выдавшая виды одежда, но шрам на боку под рубахой стягивал кожу при каждом шаге, напоминая о Стиклестаде. Его рост и широкие плечи заставляли прохожих оборачиваться, но в глазах молодого человека не было юношеского восторга — только холодная решимость воина, потерявшего всё.

Двери княжеских палат распахнулись. Внутри было тепло, пахло воском, дорогими мехами и заморскими пряностями. На высоком резном дубовом стуле восседал **Ярослав Владимирович**, которого позже назовут **Мудрым**. Князь был уже немолод, в его бороде серебрилась седина, а на коленях лежала раскрытая рукописная книга. Рядом с ним сидела его супруга — шведская принцесса Ингигерд (в крещении Ирина), которая доводилась Харальду дальней родственницей.

Ярослав опустил взгляд от свитка и внимательно посмотрел на вошедших. Его умные, пронизательные глаза, казалось, видели Харальда насквозь — со всей его яростью, гордыней и нищетой.

Рагнвальд сделал шаг вперед и низко поклонился, коснувшись рукой пола. Харальд же лишь слегка наклонил голову, упрямо глядя прямо в глаза правителю Гардарики.

— Приветствуем тебя, конунг Ярицлейв, — звучно произнес Рагнвальд на скандинавском наречии, которое на Руси понимали многие. — Перед тобой Харальд, сын Сигурда, единокровный брат павшего короля Олафа. Земля Норвегии исторгла нас, и мы пришли просить твоего покровительства и службы под твоими знаменами.

Ярослав молчал несколько долгих секунд, мерно постукивая пальцами по подлокотнику.

— Я знал твоего брата, Харальд, — неторопливо ответил князь на чистом древнескандинавском. — Олаф гостил в этих стенах, когда бежал от Кнуда. Он был великим воином, но плохим политиком. Он искал Небесный венец, а потерял земной. Что же ищешь ты, мальчик с топором, у которого за душой нет ни одной монеты?

Харальд шагнул вперед. Кольчужные кольца на его плечах тихо звякнули.

— Я ищу не милости и не золота на прокорм, князь, — твердо сказал Харальд, и его голос разнесся по сводам палаты. — Мой брат мертв, его убийцы празднуют победу на датское серебро. Но кровь конунгов во мне жива. Мне нужна твоя война. Дай мне людей, дай мне дело, где я смогу доказать, чего стоит мое имя. Я стану твоим мечом на восточных рубежах, а когда придет время — я вернусь за тем, что принадлежит мне по праву.

Княгиня Ингигерд переглянулась с мужем и едва заметно улыбнулась, оценив дерзость юноши. Ярослав же прищурился.

— Твои слова горячи, как огонь в кузнице, — произнес князь. — Но на Руси ценят не громкие речи, а верность и воинскую хитрость. Мои рубежи трещат от набегов кочевни-

ков-печенегов, а на западе поднимают голову поляки. Если ты готов проливать кровь за новгородскую и киевскую землю, я приму твою присягу. Ты начнешь простым дружинником в отряде Рагнвальда. Покажи мне, что ты умеешь не только выживать в лесах, но и побеждать в поле.

Ярослав поднялся, показывая, что аудиенция окончена.

— Твой брат Олаф оставил здесь след, который норвежцы не забудут. Посмотрим, какой след оставишь ты, Харальд, сын Сигурда. Ступай. Тебе укажут твоё место в гриднице.

Харальд еще раз взглянул на князя, развернулся и пошел к выходу. На пороге он на секунду замер, поймав на себе любопытный взгляд маленькой девочки, стоявшей за занавесью у княжеского престола. Это была **Елизавета**, младшая дочь Ярослава. Ей было совсем мало лет, и она еще не знала, что этот огромный, хмурый чужеземец со шрамом на боку через несколько лет посветит ей свои лучшие стихи и перевернет ради нее половину мира.

Глава 4. Железный омут у берегов Руси

Южная степь не была похожа на норвежские горы. Она пугала Харальда своим простором. Здесь негде было зажать врага в узком ущелье, некуда было прижать спиной фьорд. Земля дышала зноем, трава колыхалась до самого горизонта, а в воздухе стоял горький запах полыни и сухой пыли.

Отряд варягов — чуть больше четырехсот тяжелых пехотинцев — шёл в составе большого киевского войска, высланного князем Ярославом Мудрым для усмирения печенежских колен, разорвавших пограничные заставы. Семнадцатилетний Харальд ехал верхом на низкорослой степной кобыле, но его бродэкс — длинный топор на ясеновой рукояти — покоился за спиной. За два года на Руси он научился держаться в седле, но настоящую силу чувствовал только тогда, когда его сапоги твердо упирались в землю. [1, 2, 3]

— Степной волк не бьет в лоб, парень, — негромко сказал Рагнвальд, поправляя налобник шлема. — Он кружит. Выматывает. Ждет, когда ты откроешься от жажды или усталости. Если побежишь за ними — ты мертвец.

Харальд молча кивнул. Он жадно впитывал новые уроки войны. На Стиклестаде была яростная свалка пеших стен, но степь требовала совсем другой тактики. [1]

К полудню на горизонте закружилась пыль. Из марева, рожденного жарой, со свистом и гиканьем вылетела первая лавина. Печенеги. Они шли лавой — неплотным, подвижным строем на быстрых конях. В руках у каждого был короткий составной лук.

— К бою! — прогремел голос Харальда, который Ярослав уже успел назначить одним из предводителей наемников. — Варяги, круг! Не давать им зайти во фланг! [1, 2]

Тактика против степной конницы была суровой и требовала стальных нервов. Пехота не атаковала. Она превращалась в крепость. По приказу Харальда коней увели в центр, а люди мгновенно выстроили плотное кольцо — круглую стену щитов. Но в отличие от северного *скальдборга*, здесь была своя особенность. [1]

Первый ряд опустился на правое колено, уперев тяжелые каплевидные щиты острокопечной частью в землю и выставив вперед длинные копья под углом в сорок пять градусов. Железные наконечники образовали частокол, через который ни один конь не пошел бы добровольно. Второй ряд стоял в полный рост, прикрывая головы первого своими круглыми щитами. Третий ряд состоял из лучников и метателей сулиц (коротких копий).

Степная лавина нарастала. На расстоянии ста шагов печенеги начали забираться влево, запуская классическую «хороводную» тактику — они мчались вдоль варяжского кольца по кругу, осыпая его градом стрел.

Воздух потемнел. Стрелы с противным свистом и треском впились в липовые щиты, обшитые кожей. Сквозь смотровую щель шлема Харальд видел, как стрела с костяным наконечником насквозь пробила щит соседа слева, едва не задев щеку воина. Варяги стояли молча, дыша в глухие наносники шлемов. Ни одного крика, ни одного лишнего движения.

— Держи строй! Копите злость! — рывкал Харальд, прохаживаясь внутри кольца.

Печенеги сделали три круга, расстреливая свой запас. Видя, что железная улитка варягов не ломается и не пытается бежать, их вожди сменили тактику. Гор трубил сбор. Конница отхлынула, перестроилась и пошла на таран. Они рассчитывали массой коней продавить пехоту.

— Рагнвальд, лучников вперед! — скомандовал Харальд. — Бить по коням!

Когда до скачущей орды осталось пятьдесят шагов, варяжские луки, привезенные с севера — тугие, из ясеня и тиса, — отозвались гулким хором. Тяжелые бронебойные стрелы, способные пробить кольчугу, полетели навстречу степнякам. Передние лошади стали спотыкаться, увлекая за собой всадников, строй печенегов смялся, теряя скорость.

И вот тогда наступил момент для главного маневра Харальда.

— Разомкнуть фронт! Топоры наружу! — взревел юный великан.

Железное кольцо варягов не просто выдержало удар — в месте, куда пришелся основной натиск печенегов, строй намеренно раздался в стороны, образуя «мешок». Степные всадники по инерции влетели внутрь этого живого коридора, теряя пространство для маневра и скорость. Конь без скорости в ближнем бою против викинга — это просто большая мишень.

Харальд первым бросился в образовавшийся прорыв. Его двухручный топор взметнулся над головой и с глухим звуком опустился на шею печенежского скакуна. Лошадь рухнула, придавив всадника в богатом халате. Степной воин попытался выхватить кривую саблю, но Харальд коротким обратным движением вогнал подтока топора ему в грудь.

Началась страшная, тесная резня в пыли. Варяги действовали как слаженный механизм: пока один принимал удар сабли на щит, стоящий рядом шагал вперед и подрезал сухожилия коню или бил топором сверху вниз, раскалывая кожаные шлемы кочевников.

Харальд двигался в самом центре свалки, его гигантский рост позволял ему видеть поле боя поверх голов. Он заметил, что печенежский воевода на белом жеребце пытается увести остатки своего отряда обратно в степь.

— Не упустите знамя! — крикнул Харальд и, перехватив чужую сулицу с земли, с силой метнул её вслед уходящему всаднику. Дротик пробил спину вождя, и тот замертво свалился в траву.

Лишившись предводителя, печенеги окончательно дрогнули. Те, кто успел, развернули коней и растворились в степном мареве. На поле, примятая копытами и залитая кровью, осталась лежать добрая сотня кочевников. Варяги потеряли лишь семерых.

Харальд тяжело дышал, опершись на окровавленное топорщице. Его кольчуга была забрызгана серой степной грязью и чужой кровью. Рагнвальд подошел к нему, вытирая меч о пучок полыни.

— Ты хорош, мальчик, — угрюмо произнес старый воин. — Твой брат Олаф гордился бы тобой сегодня. Ты научился терпеть. В степи это главное.

Харальд посмотрел на юг, туда, где за бескрайними полями, по слухам, лежал Великий Миклагард — Константинополь. Здесь, на Руси, он получил золото, опыт и преданность своих людей. Но его амбициям этого было мало. Степная пыль на его губах казалась горькой. Ему нужно было больше золота, больше славы, чтобы вернуться в Норвегию не нищим беглецом, а триумфатором. [1, 2, 3]

Глава 6. Цена княжеской дочери

Осень 1034 года выдалась в Киеве сырой и ветреной. Золотые купола Десятинной церкви тонули в низких свинцовых тучах, а Днепр катил к югу тяжелые, потемневшие волны.

Харальд шел по княжескому двору, и под его ногами хрустел первый лед. Теперь это был совсем не тот растерянный мальчик, что три года назад бежал из-под Стиклестада. Ему исполнилось девятнадцать. На плечах — дорогой плащ из византийского пурпура, отороченный мехом выдры, на поясе — франкский меч с рукоятью, обвитой серебряной проволокой. За его спиной стояли сотни верных варягов, проверенных в степных стычках и на стенах поль-

ских градов. На Руси его знали как бесстрашного воеводу. Но сегодня его сердце колотилось сильнее, чем во время ночного штурма Волыни.

В малых покоях Ярослава было тихо. Горел очаг, бросая блики на бревенчатые стены и дорогие ковры, присланные из Царьграда. Князь сидел у стола, перебирая пергаментные свитки. За его креслом стояла Елизавета. За эти годы она превратилась в прекрасную девушку с тонкими чертами лица и холодным, гордым взглядом матери-скандинавки. Она смотрела на Харальда, и в ее глазах читалось то, чего не нужно было переводить на язык саг.

Харальд шагнул вперед, снял шлем и опустил его на колено.

— Приветствую тебя, князь Ярицлейв, — произнес он, и его глубокий голос заставил пламя свечей дрогнуть. — Я исполнил всё, что ты требовал. Мой топор омыт в крови печенегов на Роси. Мой щит помнит стрелы польских лучников на стенах Волыни. Твои рубежи крепки, а казна полна добычи, которую мы взяли для Киева. Я больше не нищий изгнанник.

Ярослав медленно поднял голову от свитков. В его взгляде не было вражды, лишь мудрость государственного мужа, который взвешивает людей, как монеты на весах.

— Твоя слава летит впереди твоих коней, Харальд, — спокойно ответил князь. — Мои гридни поют песни о твоей доблести, а воеводы уважают твое слово. Ты честно служил мне эти три года. Чего же ты хочешь теперь? Золота? Новых земель в управление? Говори, я не привык быть должником.

Харальд выпрямился во весь свой огромный рост и посмотрел прямо на Елизавету, а затем — на князя.

— Мне не нужны твои земли, князь. И золото, что ты мне платишь, я раздаю своим людям. Я пришел просить руки твоей дочери, Эллисив. Мы одной крови, нашего рода хватит, чтобы украсить любой престол Севера. Она — та, ради кого я выжил в болотах Стиклестада.

Елизавета едва заметно втянула воздух, ее пальцы сильнее сжали спинку отцовского кресла.

Ярослав не удивился. Он вздохнул, встал из-за стола и подошел к окну, за которым шумел осенний дождь.

— Ты просишь многого, варяг, — не поворачиваясь, произнес Ярослав. — Эллисив — дочь правителя Гардарики. Ее сестры станут королевами в Европе. За ее спиной стоят законы, рати и города. А что стоит за твоей спиной, Харальд? На конуне какого государства ты сидишь? Где твоя земля? Где твоя корона?

— Моя корона в Норвегии! — горячо отрезал Харальд. — Сын Кнуда Великого не удержит ее, когда я вернусь!

— *«Когда»* — это слово для поэтов и мечтателей, — Ярослав резко повернулся, и его глаза сузились. — А я конунг, и я мыслю тем, что есть сейчас. Сейчас ты — лишь удачливый предводитель наемников. Главарь варяжской банды, пусть и очень храбрый. Если я отдам за тебя дочь, Норвегия не станет моим союзником, потому что Норвегия тебя не знает. Ты хочешь взять в жены княжну? Так докажи, что ты равен ей.

Князь подошел к Харальду вплотную и положил руку на его жесткий наплечник.

— Уходи на юг, Харальд. В Миклагард. Греческий император платит золотом столько, сколько весит воин. Собери там такую силу, чтобы перед тобой трепетали короли. Сколоти состояние, какого не видел Север. Сделай так, чтобы твое имя заставляло содрогаться Скандинавию еще до того, как твой драккар пристанет к берегу. И когда ты вернешься сюда не просителем, а триумфатором, за которым будут стоять горы золота и преданные армии — вот тогда ты получишь мою дочь. И ни днем раньше.

Харальд стоял неподвижно, его челюсти судорожно сжались, а пальцы легли на рукоять меча. На мгновение в комнате повисла опасная, звенящая тишина — варяжский лев был готов прыгнуть на киевского князя. Но Харальд справился с собой. Он перевел взгляд на Елизавету. Она смотрела на него упрямо и гордо, словно без слов говорила: *«Иди. Я буду ждать»*.

Харальд медленно убрал руку от оружия и надел шлем.

— Хорошо, конунг Ярицлейв, — глухо, но отчетливо произнес он. — Я принимаю твой вызов. Я уйду на юг. Я залью греческое золото кровью твоих врагов. Но помни свое слово. Когда я вернусь, цена твоей дочери покажется тебе малой.

Он резко развернулся, и его византийский плащ взметнулся, словно крыло огромной черной птицы. Двери покоев захлопнулись за ним с тяжелым стуком.

Уже на следующий день на Днепре запели варяжские рога. Три длинных драккара под черными парусами, ведомые Харальдом Суровым, отвалили от киевской пристани и взяли курс на юг — в Черное море, навстречу богатству, интригам и великой славе Константинополя.

Глава 6. Часть 2. Песнь изгнанника на Днепре

Холодный воздух после душных княжеских палат ударил в лицо, пахнув палой листвой и речной сыростью. Харальд шел по мощеным бревнами улицам Киева, не замечая удивленных взглядов челяди и дружинников. Его огромные шаги заставляли Рагнвальда, следовавшего за ним, едва ли не бежать.

— Он отказал? — негромко спросил старый воин, когда они вышли к пристани у Подола, где у берега покачивались три их длинных драккара.

Харальд не ответил. Он подошел к самому краю деревянного помоста, опустил руку на холодный деревянный форштевень своего корабля, вырезанный в виде оскаленной драконьей головы, и посмотрел на буруны Днепра. В его груди klokотала ярость, но это уже была не та слепая, подростковая злость, что вела его на щиты под Стиклестадом. Это был холодный, расчетливый огонь.

— Он не отказал, Рагнвальд, — наконец глухо произнес Харальд. — Он назвал цену. Слишком высокую для простого наемника. Но подъемную для того, кто готов взять её силой.

Юный викинг обернулся к своим людям. На берегу, у костров, сидели его верные бойцы — шведы, норвежцы, русичи, прошедшие с ним огонь польских походов. Они смотрели на своего девятнадцатилетнего воеводу с ожиданием. Они верили ему.

Харальд вскочил на борт корабля, его плащ взметнулся от порыва ветра.

— Мы уходим на юг! — зычно крикнул он, и его голос перекрыл шум речной волны. — Туда, где греческие императоры купаются в золоте, но не имеют мужской силы, чтобы защитить свои стены! Мы наймем в их Варяжскую стражу. Мы зальем их монеты кровью сарацин, пиратов и бунтарей. Мы вернемся сюда такими богатыми, что наши щиты будут обиты чистым серебром, а конунг Ярицлейв сам выйдет встречать нас за ворота!

Дружина ответила слаженным, громовым ревом и стуком топоров о щиты.

Уже вечером, когда Киев остался позади, а драккары мерно шли по течению мимо бескрайних приднепровских лесов, Харальд сидел на корме, держа в руках дощечку и нож. Он вырезал руны, а губы его шептали первые строки стихов — его знаменитых «*Вис радости*», которые он пронесет через все битвы в Византии и Сицилии:

«Мчимся мы мимо датских фьордов,

Корабль мой режет морскую пену.

Я зрел немало краев далеких,

Но дева в Киеве, в светлом тереме,

Все так же гордо меня отвергает...»

Он знал, что каждый золотой солид, который он добудет на юге, приблизит его к ней. И этот путь обещал быть великим.

Черное море встретило корабли Харальда крутой, злой волной. Далеко позади остались днепровские пороги, где варягам приходилось тащить тяжелые драккары на руках по бревнам, стирая ладони в кровь и ежеминутно ожидая стрелы кочевников из прибрежных кустов. Теперь перед ними расстилалась бескрайняя, свинцовая водная гладь, которую скандинавы называли *Ньервасунд*.

Три длинных боевых корабля шли под прямоугольными полосатыми парусами. Харальд стоял у рулевого весла на корме ведущего драккара. На его лицо летели соленые холодные брызги, ветер трепал волосы, но взгляд молодого вождя был прикован к горизонту. Там, где южное небо встречалось с морем, сквозь утреннее марево постепенно проступали колоссальные, невероятные очертания.

Это был **Миклагард — Великий Город**.

Даже выдавший виды Рагнвальд замер у борта, забыв промокший плащ. Перед взором северян вырастали каменные стены Феодосия — три ряда исполинских укреплений с сотнями башен, защищавших византийскую столицу с суши и моря. Солнце дробилось на золотых куполах собора Святой Софии и отражалось от мраморных колонн Ипподрома. Бухта Золотой Рог была забита сотнями судов: здесь покачивались пузатые купеческие дромоны, византийские военные корабли с сифонами для греческого огня и легкие лодки рыбаков.

Для девятнадцатилетнего Харальда, выросшего в деревянной Норвегии и повидавшего бревенчатый Киев, Константинополь казался не просто городом. Это был чужой, пугающий и одновременно манящий мир немыслимого богатства, интриг и древней каменной магии.

— Ну что, парень, — глухо произнес Рагнвальд, перекрикивая шум прибоя. — Вот оно, гнездо ромеев. Здесь либо набивают сундуки золотом, либо находят нож в спину в темном переулке.

Харальд крепче сжал рукоять рулевого весла, направляя драккар к гавани Буколеон, где швартовались корабли наемников.

— Мы заберем их золото, Рагнвальд, — твердо ответил Харальд, и на его губах появилась хищная улыбка. — И горе тем ромеям, что встанут у нас на пути.

Глава 7. Великая цепь Золотого Рога

Вода в бухте была спокойной, словно жидкое стекло, но драккары Харальда шли медленно. Причиной тому была не погода, а колоссальное стальное препятствие, преграждавшее путь любому чужому кораблю — **Великая цепь Золотого Рога**. Огромные кованые звенья, каждое размером с добрый щит, тянулись от башни святого Антония на северном берегу до стен самого Константинополя. Цепь держалась на плаву благодаря огромным деревянным плотам, намертво запирая гавань.

По приказу византийских портовых стражников, цепь натянули чуть сильнее, позволив тяжелым звеньям притонуть на три локтя. Драккары варягов, имевшие малую осадку, один за другим аккуратно проскользнули над скрытым в пучине железом.

Харальд стоял на носу, вглядываясь в открывшуюся панораму гавани. Миклагард обрушился на северян монументальной стеной звуков и красок. Здесь пахло не только привычным дегтем, но и сушеной рыбой, оливковым маслом, дублеными кожами и незнакомыми, кружащими голову восточными благовониями. Вокруг их драккаров сновали десятки лодок: греки в длинных туниках, темнокожие сирийцы в чалмах, пышнобородые армянские купцы. Все они кричали, торговались и указывали пальцами на прибывших «северных гигантов».

Корабли Харальда причалили в районе Влахерн, у пристани, предназначенной специально для чужеземных наемников. Навстречу им по мраморным ступеням уже спускался отряд византийских чиновников в шелковых одеждах, сопровождаемый эскортом тяжелой гвардейской пехоты.

— Смотри, Харальд, — Рагнвальд кивнул в сторону встречающих. — У этих парней золото даже на обуви. Но щиты у их стражи круглые, как наши.

Харальд поправил пояс меча. Его девятнадцатилетний ум быстро фиксировал детали: ромеи были богаты, невероятно богаты, но их армия держалась на наемниках. А значит, тот, у кого в руках окажется самый острый топор, сможет диктовать этому золотому городу свои условия.

— Нам пора представиться их базилевсу, Рагнвальд, — тихо произнес Харальд. — Пусть увидят, кто пришел защищать их империю.

Глава 7. Часть 2. Шелк и сталь

Чиновник, шедший во главе процессии, выглядел так, словно его вырезали из цельного куска слоновой кости и завернули в пурпурный шелк. Его звали евнух Георгий, и он занимал должность императорского спафарокандидата — человека, ведавшего приемом заморских наемников. Он ступал по белым мраморным плитам набережной с брезгливой осторожностью, словно боялся испачкать свои расшитые золотом туфли речной тиной, которую принесли с собой драккары.

За его спиной стояли стражники в чешуйчатых доспехах и закрытых шлемах с конскими хвостами. Они держали тяжелые позолоченные копья, но их взгляды, устремленные на викингов, выдавали легкую тревогу.

Харальд сошел на берег первым. Его гигантская фигура в простой, пропотевшей под доспехами рубахе выросла перед греком как скала. Варяг не поклонился. Он просто скрестил руки на груди, уперев ладонь в навершие своего франкского меча.

Георгий окинул Харальда долгим, оценивающим взглядом. Для искушенного ромея этот девятнадцатилетний парень был всего лишь очередным «варангом» — дикарем с севера, пахнущим дегтем и вяленным мясом. Но шрам, заходивший на шею из-под ворота Харальда, и его мертвая, неподвижная хватка взгляда заставили чиновника мысленно пересмотреть свои оценки.

— Приветствую тебя, архонт северян, — заговорил евнух на среднегреческом языке, который переводил один из стоявших рядом толмачей-русичей. Голос Георгия был тонким, почти женским. — Августейший базилевс Михаил, правитель ромеев, наслышан о твоём походе из Гардарики. Империя щедра к тем, кто готов проливать за нее кровь. Но законы Миклагарда строги. Вы будете записаны в императорскую этерию, в Варяжскую стражу.

Чиновник сделал знак слуге, и тот поднес серебряное блюдо, на котором лежали тяжелые золотые монеты — номисмы — и пергаментный свиток с пурпурной печатью.

— Это ваш первый наем, — продолжал Георгий. — Вы получите оружие, вино и хлеб. Но взамен империя забирает вашу верность. Вы будете подчиняться аколufу — командиру гвардии. Ваши топоры теперь принадлежат дворцу Большого Магистра.

Харальд медленно протянул руку, взял одну из золотых монет и перевернул её в своих огромных пальцах. На золоте был выбит профиль императора. Греческое золото было чистым, тяжелым, совсем не похожим на тонкое английское серебро, которое он видел на Стиклестаде.

— Мы пришли сюда не за хлебом, ромей, — негромко произнес Харальд, и его низкий голос заставил переводчика запнуться от почтения. — И мы подчиняемся только тем, кто идет в бой впереди нас. Скажи своему базилевсу: мои люди будут держать клятву, пока его золото весит ровно столько, сколько он обещал. Но не думайте, что вы купили наши головы. Вы купили только наше время.

Евнух Георгий едва заметно вздрогнул, его тонкие губы сжались в ниточку. Высокомерие византийского двора натолкнулось на холодную гордость северного конунга. Чиновник сухо кивнул и сделал шаг назад, уступая дорогу страже.

— Вам укажут ваши казармы в Большом дворце, Харальд, сын Сигурда, — процедил грек. — Завтра тебя ждет встреча с аколufом. Империи срочно нужны мечи на Сицилии. Арабы жгут наши города. Там ты и покажешь, чего стоят твои слова.

Харальд ухмыльнулся, пряча монету в поясной кошель. Сицилия. Далекий, жаркий остров на краю мира. Это было именно то, что ему нужно — война, где нет свидетелей, кроме его верных клинков, и где добычу можно считать не монетами, а сундуками.

Глава 8. Вавилон на Босфоре

Константинополь не затихал ни на минуту. Он оглушал, слепил и пах сотнями запахов одновременно: дорогими индийскими благовониями, конским навозом, соленой рыбой, жареным мясом и вином. Проведя первые дни в казармах Большого дворца, Харальд и Рагнвальд решили выйти в город без доспехов, сменив кольчуги на простые шерстяные туники, но не оставив дома верные скандинавские ножи-саксы.

Они шли по Месе — главной улице города, вымощенной белым мрамором. По обеим сторонам тянулись двухэтажные крытые колоннады, где располагались лавки шелкопрядов, ювелиров, торговцев сирийским стеклом и пряностями. Вокруг кипела толпа: египтяне в белых одеждах, темнокожие нубийцы, надменные франкские рыцари, бродячие монахи в грубых власяниках. Харальд, который на Руси казался великаном, здесь возвышался над толпой на целую голову, приковывая к себе испуганные и любопытные взгляды ромеев.

Безумие Ипподрома

Шум, доносившийся с южной стороны, напоминал рев идущей на штурм армии. Это кричал **Ипподром**— огромное сердце византийской общественной жизни. Огромная арена, вмещавшая до ста тысяч зрителей, была забита до отказа. Вдоль центральной стены — спины — высились привезенные со всего мира египетские обелиски и бронзовые змеинные колонны.

Сегодня соревновались главные спортивно-политические фракции империи: «Венеты» (Синие) и «Прасины» (Зеленые). Харальд и Рагнвальд протиснулись к верхним каменным ярусам. В этот момент из загон-канглов вылетели легкие двухколесные колесницы, запряженные четверками разъяренных коней.

Пыль взметнулась до трибун. Возничие в синих и зеленых туниках, обмотав поводья вокруг пояса, нещадно стегали лошадей, закладывая крутые виражи вокруг мраморных столбов. На третьем круге колесница Зеленых зацепила осью чужое колесо, перевернулась, и кони поволокли упавшего возничего по окровавленному песку. Трибуны Синих взорвались ликующим, безумным ревом.

— Сумасшедшие, — проворчал Рагнвальд, сплевывая на каменный пол. — Рисковать шеей ради куска крашеной тряпки. Намного честнее сойтись в стене щитов.

— Это не просто гонки, Рагнвальд, — тихо ответил Харальд, его глаза хищно поблескивали, следя за безумной скачкой. — Посмотри на их императора в ложе Кафисмы. Он бледнее смерти. Он боится этой толпы больше, чем варваров на границах. Тот, кто управляет Ипподромом, управляет этим городом.

Таверна в порту

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая Босфор в багровые тона, викинги спустились к портовым кварталам в районе гавани Контоскалион. Здесь, подальше от парадного блеска дворцов, ютилась совсем другая Византия — грязная, пьяная и опасная.

Они толкнули тяжелую дубовую дверь капилона — византийской таверны. Внутри было темно, пахло прокисшим вином, жареной рыбой и овечьим сыром. За длинными дубовыми

столами под низкими сводами сидели матросы, сирийские грузчики и наемники изо всех уголков земли.

Хозяин таверны, толстый грек с засаленным фартуком, мгновенно оценил ширину плеч Харальда и грохнул перед северянами два глиняных кувшина с дешевым, но крепким смолистым вином — рециной.

— Пейте, воины! Для славной Варяжской гвардии первый кувшин от заведения! — заискивающе крикнул он.

Харальд сделал глубокий глоток. Вино было терпким, непривычным после русского меда и скандинавского эля, но оно приятно обожгло горло, снимая усталость.

— Завтра на рассвете мы выходим в море, — тихо сказал Рагнвальд, оглядывая таверну. — Аколупф подтвердил приказ. Наш флот идет к берегам Анатолии, а оттуда — на Сицилию. Там засели сарацины, они грабят императорские провинции. Это будет долгая война, Харальд.

Молодой викинг поставил кувшин на стол и вытащил из кармана ту самую золотую монету, что получил от чиновника в порту. Он крутил её в пальцах, и в тусклом свете масляных ламп лицо императора на золоте казалось зловещим. Харальд вспомнил далекий Киев, холодный взгляд Ярослава Мудрого и тихий шелест платья Елизаветы.

— Пусть будет долгая, — ухмыльнулся Харальд, и его топор, стоявший у колена, звякнул о каменный пол таверны. — Чем дольше война ромеев, тем тяжелее станут наши сундуки, когда мы решим вернуться домой.

Глава 9. Дым над Мраморным морем

Рассвет только едва окрасил розоватым золотом вершины холмов Миклагарда, когда в военной гавани Вуколеон взревели медные ромейские трубы. Порт мгновенно превратился

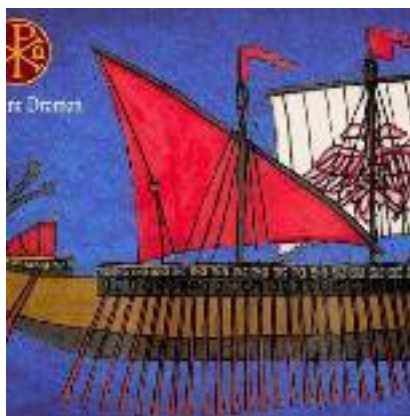
в ревущий муравейник. Под прикрытием колоссальных каменных стен морских укреплений выстроились десятки боевых дромонов — тяжелых византийских кораблей с двумя рядами весел, высокими деревянными башнями на палубе и глухими медными трубами на носу, скрывавшими страшную тайну империи — греческий огонь.

Харальд стоял на причале, контролируя погрузку своего отряда. Варяги двигались четко, без лишней суеты, резко выделяясь среди шумных греческих матросов. Наемники перетаскивали по узким деревянным сходням сундуки с провиантом, бочонки с пресной водой, связки тяжелых ясеневых копий и кадки со смолой.

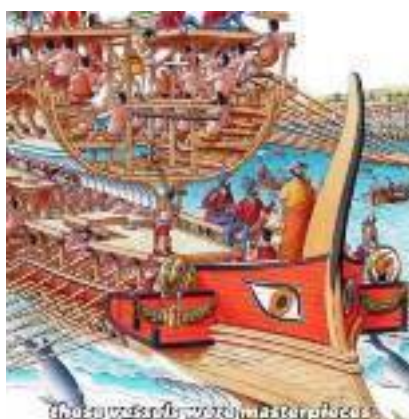
— Эй, налегай! — Рагнвальд хмуро покрикивал на молодых шведов, тащивших тяжелый корабельный канат. — В море ромеи кормить нас не будут, каждый кусок солонины на счету!

shutterstock.com - 2810725571

Сам Харальд шел налегке, его двухручный топор был надежно закреплен за спиной, а чешуйчатый доспех — подарок византийского арсенала — тускло поблескивал в утренних сумерках. В отличие от традиционных драккаров, где викинги чувствовали себя хозяевами каждой доски, византийский дромон казался Харальду неуклюжим плавучим фортом. Но его огневая мощь и размеры заставляли уважать инженерный гений ромеев.

— По коням... то есть по веслам! — зычно скомандовал Харальд, ступая на борт флагманского дромона эскадры.

Матросы отдали швартовы. Огромные латинские паруса треугольной формы, расшитые императорскими орлами, с хлопанием поймали утренний береговой бриз. Сто тридцать гребцов на нижней и верхней палубах одновременно опустили тяжелые весла в воду по сигналу деревянных колотушек подсмотрщика. Корабль вздрогнул и медленно, но уверенно покатился прочь от причала.

Позади, в утреннем тумане, оставался величественный силуэт Константинополя. Солнечные лучи зажгли гигантский купол Святой Софии. Харальд стоял на кормовой надстройке, положив руку на резные перила, и смотрел на уходящий город.

Эскадра из двадцати дромонов взяла курс на юг, в Мраморное море, направляясь к берегам Анатолии (Малой Азии). Там, на прибрежных базах, им предстояло пополнить запасы и соединиться с основными силами стратига Георгия Маниака, чтобы затем нанести сокрушительный удар по арабским пиратам, терзавшим христианские острова. Харальд чувствовал, как палуба мерно ходит под ногами. Время интриг и прогулок по Ипподрому кончилось. Начиналась настоящая, большая война на море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.